

К 100-летию начала Первой мировой войны

Продолжение.
Начало в № 3

ГЛАВА 5**Немецкий вопрос**

В июле 1916 года николаевский уездный исправник сообщил самарскому губернатору, что в Балакове на квартире городского старосты Ивана Васильевича Мамина проживает германская подданная Елизавета Фёдоровна (Элиза Фридриховна) Вагенгорст, которая преподаёт в местной школе для детей беженцев. Глава губернии отреагировал незамедлительно: «Предоставление должности учительницы подданной воюющего с нами государства в данное время является совершенно нежелательным», – написал он инспектору народных училищ.

Тот объяснил, что во всём виновата жена городского старосты Лидия Ивановна Мамина, которой было поручено организовать школу для детей беженцев. Несмотря на предупреждение инспектора, она всё равно приняла Вагенгорст на работу, причём не только дала ей преподавательские часы, но и поручила руководство учебным заведением. Когда инспектор узнал об этом во время своего визита в Балаково, он приказал немке немедленно удалиться из школы и больше никогда туда не возвращаться.

Губернатор это решение поддержал, и на какое-то время буря утихла. Но в ноябре того же года на губернаторский стол легло ещё одно донесение, на этот раз из жандармского управления:

«Госпожа Вагенгорст, отец котей уроженец Восточной Пруссии, а мать бывшая австрийская подданная, то же Маминой, состоящей распорядительницей по женской гимназии, с согласия мужа Мамина приглашена на должность заведующей пансионом для девочек при этой гимназии, где преподает некоторых учениц».

Это непослушание вывело губернатора из себя. Он потребовал отстранить Вагенгорст от преподаватель-

На краю...

(Балаково в годы Первой мировой войны)

ской деятельности, выслать её из пределов Самарской губернии и доложить, куда. Причём жандармы обязали провести дознание, кто виноват в неисполнении требований высшего губернского начальства.

В ходе дознания выяснилось, что Вагенгорст после окончания Саратовской второй министерской женской гимназии «учительствовала» в земской школе с. Моргентай Торгунской волости Новоузенского уезда (с конца 1914-го – Нестеровка). Когда началась война, Елизавета Фёдоровна подала прошение о получении русского подданства. Но её просьбу не удовлетворили, мало того, попросили уволиться.

Так бы и пришлось Елизавете рассчитывать только на поддержку родителей и на случайные заработки, но тут пришла на помощь Лида Мамина, с которой они учились в гимназии. Она и пригласила подругу в Балаково.

Согласно отчёту школы для детей беженцев, под руководством Вагенгорст дети среднего отделения изучили 2-ю часть книги для чтения Вахтерова, 2-ю часть упражнений из курса правописания Некрасова, 2-ю часть решений задач по Комарову и, по Закону Божию, молитвы и историю Ветхого Завета. Последнее особенно возмутило проверяющих: как это так – учитель другого вероисповедания преподавала православие?

В ходе дознания также выяснилось, что одним из возмутителей спокойствия стал ветеринарный врач и журналист Михаил Карнеев. Именно он ещё в сентябре 1916-го написал заявление на имя

Иван и Лидия Мамины во время поездки на фронт

председателя балаковского городского комитета по призрению беженцев с требованием «на все эти ненормальности обратить внимание и на будущее время их устранить». Ответ перед общим собранием членов комитета пришлось держать Лидии Ивановне Маминой, на которую как на председательницу школьной секции была возложена обязанность по открытию школы.

«Когда началось обучение детей беженцев, моей заботой было найти педагогический персонал, который отвечал бы вполне своему назначению в довольно трудных условиях существования беженской школы, – объяснялась Мамина. – Ввиду того, что при открытии школы не было совершенно известно, требуется ли утверждение учительского состава уездным инспектором, то в приглашении Вагенгорст я руководствовалась исключительно интересами дела. Дальнейшее показало, что выбор сделан не ошибочно,

и, действительно, Елизавета Фёдоровна сумела хорошо поставить дело преподавания: дети очень хорошо посещали школу, и, несмотря на жару (например, в июле месяце), процент посеща-

мости был прекрасный».

Несмотря на столь понятное объяснение, комитет постановил: «Факт приглашения в учительницы иностранной подданной признать неосторожным, так как подданстве её комитет не был поставлен в известность, и впредь просить Мамину все дела докладывать на обсуждение школьной секции комитета».

Объяснила Мамина, но только уже полицейскому приставу, и своё решение о приглашении Вагенгорст в женскую гимназию. Дело в том, что это учебное заведение открылось на маминские средства, и Лидия Ивановна посчитала себя вправе приглашать на работу в частную гимназию того, кого считает нужным. И когда Елизавета Фёдоровна в очередной раз лишилась работы из-за «патриотически настроенных» балаковцев, Мамина и пригласила её экономкой «в содержащийся на личные средства пансион для учениц городской гимназии», так как считает, что она «человек отзывчивый, чуткий, сердечный и прекрасный педагог».

Давал пояснения губернскому начальству и городской староста. Иван Васильевич Мамин встал на защиту своей супруги и напомнил, что о приглашении Вагенгорст она сообщила членам школьной секции ещё в марте, а в июле им же был предоставлен отчёт, в том числе о заведовании и преподавании Елизаветы Фёдоровны, и никаких претензий тогда высказано не было. Кроме того, сообщал Мамин, «требование инспектора об удалении Вагенгорст в комитет не поступало». А раз не было этого, значит, не было оснований и для увольнения Вагенгорст.

Тем дело и закончилось: виновных в «преступлении» не выявили, а Елизавете Фёдоровне всё-таки пришлось уехать к своим родителям в Саратов.

Таким образом нередко и решался «немецкий вопрос».

Юрий КАРГИН
Продолжение следует